

В.Р. Легойда

О ЦЕРКВИ, АРМИИ И АНТИНОМИЯХ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

В современной России разговор об армии и обществе, об армейской реформе вряд ли возможен без знания и понимания культурных основ отечественных военных традиций. Точнее, такой разговор в принципе возможен, только вряд ли он будет плодотворен. Несмотря на колоссальный технический прогресс в военном деле, на быстро меняющиеся методы ведения боевых действий, вопрос о морально-психологических основах вооруженных сил остается весьма и весьма важным. В контексте современной российской практики эта проблема актуализируется также в силу наступившего в нашей стране после распада Советского Союза общего кризиса идентичности, который, как представляется, так и не был до конца преодолен.

В истории русского воинства четко прослеживается изначальная и довольно тесная связь армии и Церкви. Даже в современном русском языке применительно к священнослужителям и военным чаще говорят, что они *служат*, остальные – ходят на работу¹. В военном деле, как и в исполнении священнического долга, центральное место занимает идея *служения*, являющаяся священной обязанностью и духовенства, и военных.

Конечно, подобные лингвистические параллели – вещь довольно условная. И все же – насколько случайно такое лексическое совпадение? Как соотносить христианское учение о любви с неизбежностью убийства на войне; какая модель взаимодействия Церкви и армии выработана русской культурой и, наконец, каковы перспективы взаимоотношений армии и Церкви в российском обществе?

**Был ли Христос –
пацифистом?**

Чтобы ответить или хотя бы попытаться ответить на поставленные вопросы, необходимо обратиться к тому самому смысловому контексту, который легитимирует конкретные военно-политические действия, создает символизм традиции, то есть к общекультурной проблематике. Начать придется *ab ovo* – с того, как решался вопрос о войне и мире в христианской культуре.

В российском обыденном сознании еще сохранилась точка зрения, согласно которой христианство, будучи религией любви, последовательно выступает за отказ от насилия в любой форме, а значит не принимает войну и военные действия. По крайней мере, не должно принимать. Следовательно, христианин не может

¹ Встреча. Журнал
МДАиС. 1998.
№ 3 (9). С. 1.

участвовать в войне, а благословение священниками солдат, управляющихся в места боев, есть не что иное, как подчинение Церкви государству, но отнюдь не выражение христианского отношения к нравственной трагедии войны. Так ли это? Действительно ли христианскому сознанию присущ или должен быть присущ подобный пацифизм?

Если обратиться к истории православной мысли (да и христианской мысли вообще), то однозначного, догматически оформленного ответа на эти вопросы мы не получим. Более того, поскольку данная проблема находится «вне компетенции» догматического богословия (под догматами в православии понимаются богооткровенные истины, «преподаваемые людям Церковью как *непререкаемые* и *неизменные* правила спасительной веры (курсив мой. – В.Л.)»²), то говорить о единственно верном ее разрешении вообще не приходится. По замечанию одного православного богослова, «вопрос о войне, об отношении к ней служителей Церкви принадлежит к числу наиболее трудных и спорных вопросов нашего богословия».³ Разрешить его окончательно нельзя в силу непреодолимой антиномии, находящейся в центре проблемы «христианство и война»; проблемы, которая, в свою очередь, есть лишь частный случай более общего вопроса: христианство и культура.⁴

Тем не менее вполне возможно попытаться вычленив некое *христианское отношение* к обозначенной проблеме, то есть не догматически закреплённую позицию Церкви, но традиционную (т.е. выработанную практикой христианской культуры) оценку войны в христианстве.

В недавно вышедшей на русском языке книге французского ученого Жана Флори «Идеология меча»⁵ прослеживается эволюция отношения к войне в христианской традиции. Позицию автора можно представить в виде следующей схемы: 1) эпоха гонений (I–IV вв.) – настороженное, скорее отрицательное отношение к войне и воинской службе; 2) христианство – государственная религия (начиная с IV в.) – появление понятий «справедливая» и «несправедливая» война и, соответственно, поддержка Церковью справедливой войны при осуждении войны несправедливой; 3) зрелое Средневековье – появление понятия «священная» война, оформление идеологии крестовых походов.

В целом принимая данную схему, необходимо отметить, что вряд ли возможно говорить о единой оформленной позиции Церкви эпохи гонений. Безусловно, имели место и случаи отказа от военной службы среди христиан, и осуждение раннехристианскими авторами (в частности, Тертуллианом и Оригеном) тех христиан, которые согласились служить в армии. Однако сам факт осуждения уже указывает на то, что отказ от военной службы не был явлением повсеместным, а это косвенно подтверждает

² *Архиепископ Макарий. Православно-догматическое богословие. СПб., 1868. Т. 1. С. 7.*

³ *Георгий Швальевский, протопресвитер. Православное пастырство. Цит. по: Предела Д. Православный меч Ивана Ильина // Встреча. 1998. №3 (9). С. 22.*

⁴ *См., например: Гавриушин Н.К. Анти-тезы «православно-го меча» // Вопросы философии. 1992. №4; Предела Д. Православный меч Ивана Ильина // Встреча. 1998. №3 (9).*

⁵ *Флори Ж. Идеология меча. Предыстория рыцарства. СПб, 1999.*

отсутствие общепринятого церковного мнения по данному вопросу. Кроме того, нельзя забывать, что в целом подобное отношение к армии могло сложиться в результате неприятия римской культуры как таковой, т.е. прежде всего язычества⁶.

Что же касается тех изменений, которые произошли после провозглашения христианства в IV в. сначала дозволенной религией (*religia licita*), а потом и государственной, то здесь, на наш взгляд, имело место не столько коренное или существенное изменение позиции Церкви по отношению к вопросу о войне, сколько собственно появление этой позиции. В это время в трудах отцов Церкви оформляется христианское учение как таковое. И хотя в рамках этого учения были сформулированы положения, которые никак или почти никак не звучали ранее, принято считать, что у отцов Церкви лишь эксплицитно проявилось то, что имплицитно содержалось уже в Евангелии и традициях ранней Церкви, поэтому христианское учение стало цельным и последовательным богословско-философским оформлением той традиции, которая начала складываться 2000 лет назад.⁷ Таким образом и применительно к нашей проблеме вряд ли стоит говорить о коренной переоценке ценностей после императора Константина, хотя, безусловно, некорректно отрицать изменение отношения христиан ко многим культурным феноменам после того, как культура перестала быть языческой. Однако эти перемены, как уже указывалось, были связаны прежде всего с попыткой христианизации культуры как таковой.

Что же позволяет нам говорить об отсутствии пацифистских настроений в христианстве? В православном мире данный вопрос традиционно рассматривался в контексте более общей проблемы существования зла и способов сопротивления злу. Поскольку с христианской точки зрения корень всех зол находится в падшей (т.е. поврежденной грехопадением, сделавшейся противоестественной) природе человека, то любые внешние проявления этой природы: злоба, агрессия между людьми и между народами есть следствие внутреннего несовершенства, духовного повреждения человека. Со времен братоубийцы Каина война – неотъемлемая часть существования падшего человека. Поэтому основная цель христианства – спасение и обновление личности – предполагает борьбу с причиной всех зол (испорченной природой человека), а не со следствием (внешней агрессией), и достигается путем внутренней духовной борьбы человека со своим «я», путем изменения этого «я». В Новом Завете апостол Павел так определяет основное направление борьбы христианина: «Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6, 12).

Это не значит, что православие «витает в облаках» и обходит реально существующие проблемы. Однако православное ви-

⁶ Например, отрицательное отношение первых христиан к античному театру основывалось прежде всего на том, что театр был культовым действием.

⁷ См., например: Столяров А.А. А. Августин. Жизнь, учение и его судьбы // Аврелий Августин. Исповедь. М., 1997. С. 294–295.

дение, в отличие от теорий прекращения войн и достижения мира во всем мире любой ценой, исходит из того, что устранять нужно не следствие греховности, а причину. По справедливому замечанию современного православного богослова профессора А.И.Осипова, новозаветное понятие мир (в греческом оригинале «ирини»), осмысляемое в православном контексте, означает с-мир-ение, т. е. внутренний, духовный покой, которого достигает человек, победивший свои страсти, свой эгоизм. По словам Осипова, это понятие шире использовавшегося в Ветхом Завете древнееврейского слова «шалом» и означавшего мир как отсутствие войны. Первое не отрицает второго, оно просто – «ирини» включает в себя «шалом».⁸

⁸ Осипов А.И. Меч и мир: православный взгляд // Встреча. 1998. № 3(9). С. 7.

Подобная трактовка, с одной стороны, не исключает возможности борьбы с внешним злом, но лишь указывает на ее относительную ценность. С другой стороны, если для Льва Толстого или Махатмы Ганди неучастие в войне – императивное требование, то с христианской точки зрения участие или неучастие в войне не имеет сотериологического (спасительного) смысла. Война не является неким абсолютным злом, неучастие в котором способно обеспечить человеку спасение, а участие – непременно обречь на погибель, или наоборот.

Следовательно, в православии возможны различные интерпретации войны и мира, равно как и многих других, не менее важных вопросов, которые не входят в круг проблематики догматического богословия. Например, государственное устройство. Кстати сказать, многие сторонники видения Иисуса Христа пацифистом приводят в пример евангельские строки о том, что необходимо отдавать Богу Божие, а кесарю – кесарево, и пытаются с их помощью представить основателя христианства таким первым анархистом, противником государства, а, следовательно, и военной службы как элемента государственной машины. Так, к примеру, считал Лев Толстой, для которого этика ненасилия исключала возможность не только участия в военных действиях, но службы во многих государственных учреждениях, в частности, таких, как суды.

Однако, как представляется, подобная трактовка весьма поверхностна и тенденциозна. В приведенных словах Христа подчеркивается *различие природы* государства (царства кесаря) и Церкви (царства Бога). Там совсем нет *противопоставления* этих двух феноменов. Слова Христа отнюдь не означают, что православию присуще марксистско-ленинское отношение к государству как к «особой машине насилия», которой следует сторониться. Напротив, государственная власть в христианстве всегда рассматривается как власть богоданная, поэтому в евангельской истории (Мф. 17, 24–27; Ин. 19, 11), а также в апостольских посланиях (Тит 3, 1; 1 Петр. 2, 13; 1 Тим. 2, 1–2; Рим. 13, 1–2) подчеркивается

почтительное отношение к властям. А в Послании к Римлянам апостол Павел прямо предупреждает: «Начальник есть Божий слуга, тебе на добро. Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч» (Рим. 13, 4).

Иоанн Креститель, которого церковная традиция именует Предтечей (т.е. предшественником) Христа, на вопрос пришедших к нему воинов: «А нам что делать?», – отвечал: «Никого не обижайте, не клеветайте и довольствуйтесь своим жалованием» (Лк. 3, 14). Иоанн не предложил воинам сложить оружие и перестать выполнять свой воинский долг⁹.

Это, конечно, не значит, что война в христианстве рассматривается как некое благо. Война есть зло, и *любое* убийство тоже есть зло. Однако уже позиция раннехристианской Церкви далека от того, чтобы приравнивать убийство по злему умыслу к убийству на войне. Здесь, как и в любом другом случае, степень тяжести греха определяется прежде всего *мотивами*.

История ранней Церкви знает многих христиан, оставшихся воинами даже после принятия крещения. Некоторые из них были военачальниками и считали войну нравственно оправданной. В одном из своих посланий святой Афанасий Великий (IV в.) писал: «Убивать не позволено, но истреблять неприятеля на войне и законно, и достойно похвалы; почему, отличившиеся во бранях удостоиваются великих почестей и им воздвигаются памятники, возвещающие об их заслугах»¹⁰. Интересно отметить, что каноничность (т.е. нормативность) данного послания была подтверждена V и VI Вселенскими Соборами, обладающими в православии высшим догматическим и каноническим авторитетом. Естественно, речь идет не о войне вообще, а о справедливой войне, то есть такой, на которой приходится силой противостоять нападающему на родную землю врагу.

Но даже такое казалось бы вполне однозначное определение не стало окончательным разрешением проблемы. Кроме того, подобная оценка отнюдь не означала прямого церковного благословения или церковного освящения убийства неприятеля на войне. В том же IV в. авторитетнейший христианский святой Василий Великий в 13-м правиле, считающемся каноническим, установил: «Убиение на брани отцы наши не вменяли за убийство, извиняя, как мнится мне, поборников целомудрия и благочестия. Но может быть добро было бы советовать, чтобы они, как имеющие *нечистые руки* (курсив мой. – В.Л.), три года удерживались от приобщения святых тайн»¹¹. Иными словами, солдаты, участвовавшие в военных действиях и убивавшие, в течение трех лет не могли причащаться в церкви, что для христианина означало и означает самое тяжелое наказание. Для сравнения, согласно 56-му правилу того же св. Василия Великого, совершивший вольное убийство (т.е. по злему умыслу) отлучается от причастия на 20 лет, а совершивший невольное (т.е. непреднамеренное) убийство – на 10¹².

⁹ Слова самого Христа «Нет больше той любви, как если кто положит души свою за друзей своих» (Ин. 15, 13), многими библейскими толкователями часто трактуют именно как указание на готовность погибнуть, защищая своих близких и друзей.

¹⁰ Свят. Афанасий Великий. Послание к монаху Амуну // Творения. М., 1994. Т.3. С. 369.

¹¹ Цит. по Алфавитная Синтагма Матфея Властаря. М., 1996. С. 427.

¹² Там же. С. 426.

Поэтому, как представляется, даже в понятии «справедливая» война (т.е. война оборонительная, а не захватническая) тоже есть некоторая относительность. Конечно, Церковь всегда молилась и будет молиться о тех, кто отправляется в места боевых действий исполнять свой воинский долг. Но не потому, что Церковь благословляет или *освящает* те или иные *боевые действия*, а потому, что она заботится о своих людях, которых могут убить. Так, например, во время русско-японской войны 1905 г. православные в Японии молились о «властях и воинстве» своей страны, а не православной России, то есть о победе японской императорской армии над армией россиян. Этот пример, как представляется, довольно наглядно демонстрирует относительность любой человеческой правды, а также указывает на невозможность такого понятия, как «православная» война.

В качестве резюме хотелось бы привести слова православного священника – протоиерея Василия Зеньковского: «Церковь не замалчивает, а, наоборот, уясняет и заостряет в сознании коренную двусмысленность в мире, в истории – в том числе и в войне; она идет туда, где царит эта двусмысленность, чтобы усилить добро, чтобы извлечь его из трагедии. Отрицание войны, запрещение участия в ней (а одно неблагословение на участие в ней означало бы для христианина запрещение) означало бы уход из мира. В трезвом сознании этого и заключается мудрость Церкви, со скорбью следящей всегда за тем, как властвует мир над нами, но не оставляющей нас никогда без своей помощи»¹³.

¹³ Зеньковский Василий, протоиерей. По поводу книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силой» // Ильин И.А. Собрание сочинений. М., 1995. Т. 5. С. 436.

Русские традиции

В истории отечественной культуры связь армии и Церкви можно назвать одной из древнейших традиций. Она предполагает «активное взаимодействие Церкви и армии, целенаправленное воспитание военнослужащих в духе христолюбивого воинства и приобщение их к сознанию высоты и ответственности своего призвания»¹⁴. Конечно, неверно было бы представлять себе историю взаимоотношений русской армии и Церкви как непрерывный ряд идиллических картин. Любой культурный идеал всегда отличен от своего практического воплощения. Иногда отличен до такой степени, что практика является не исполнением, а искажением первоначальной идеи. Однако само наличие идеала весьма важно и для понимания прошлого, и для реализации идей настоящего.

¹⁴ Пределах Д. Указ. соч. С. 23.

Идеалом русского воина всегда был воин-освободитель, воин-защитник. Образы святых и воинов тесно переплетены как в российской истории, так и в отечественном фольклоре. С одной стороны, около половины всех мужчин в русских Житиях святых – воины (один из самых известных – великий князь Александр Невский, принявший монашескую схиму с именем Алексей). С другой стороны, прототипом былинного богатыря Ильи Муромца, персо-

нифицировавшего образ Руси, явился реально существовавший человек (печерский монах Илья Муромец, живший в XII в.).

Замечательной иллюстрацией православного отношения к войне может послужить история с благословением преподобным Сергием Радонежским князя Дмитрия Донского на знаменитую Куликовскую битву. Согласно житийному повествованию, перед тем, как выступить навстречу хану Мамаю, князь Дмитрий отправляется в Троицкую Лавру к игумену Сергию. Игумен не сразу благословляет князя на битву, а сначала спрашивает, пробовал ли тот «почтить дарами и честью (!) злочестивого Мамаю». И только получив ответ, что князь использовал все возможные способы умиротворения воинственного хана, который остался непреклонен, преподобный Сергей благословляет князя на битву.

Более того, по просьбе Дмитрия, игумен дает ему в помощь двух монахов, Александра Пересвета и Андрея Ослябю, бывших бояр, известных своим воинским искусством во время жизни в миру. По преданию, игумен приказывает монахам вместо воинских лат и шлемов надеть на себя монашеские схимы, украшенные изображением креста. Перед самой битвой в стане русских воинов появляется инок Нектарий, посланный с другими монахами преподобным Сергием, чтобы духовно укрепить князя и дружину перед битвой¹⁵.

Связь Церкви и армии, постоянно присутствующее духовное руководство последней не являются особенностью средневековой Руси. Даже петровские реформы, сломавшие во многом традиционный жизненный уклад и превратившие Церковь в одно из государственных министерств, ничего принципиально не изменили в этом вопросе. Напротив, именно при Петре Великом, который, собственно, и создал национальную регулярную русскую армию, начинают складываться морально-психологические традиции русского воинства. В отличие от многих европейских армий русская создавалась как армия ярко национального типа (тогда как, например, в прусских войсках насчитывалось до 2/3 иностранцев, во Франции к началу революции продолжали существовать иностранные части, численность которых составляла 1/6 общей численности всей французской армии¹⁶). Окончательно же воинские традиции, ставшие символом русской армии, оформляются, по общему мнению, при выдающемся российском полководце А.В.Суворове.

В советское время в книгах, посвященных полководческому гению Суворова, всячески подчеркивались его искренний патриотизм и любовь к Родине, особое отношение к солдатам. При этом нигде и никогда, по понятным причинам, не упоминалось о духовно-нравственной основе такого отношения – глубокой религиозности великого русского стратега. Для современников Суворова его укорененность в православии не была ни секретом, ни

¹⁵ Архиепископ Никон (Рождественский). *Житие преподобного Сергия Радонежского. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1997. С. 166–177.*

¹⁶ Штейфон Б. *Воин Христов // Душа армии. М., 1997. С. 319.*

¹⁷ *Нижеследующий материал о Суворове взят из книги «Твой есмь аз...» Суворов. М., 1998. Примечательно, что автор этой книги, рисующей портрет Суворова-христианина, – М.Г. Жукова, дочь другого великого русского полководца, маршала Г.К. Жукова.*

неожиданностью. Дореволюционные биографические произведения, а также воспоминания современников создают образ глубоко верующего человека, жизнь которого не позволяла усомниться в искренности его религиозного рвения. Распорядок дня Суворова непременно включал в себя утренние и вечерние молитвы, обязательное посещение воскресных богослужений и праздников¹⁷. Вера Суворова не оставалась его «личным делом»: генералиссимус был глубоко убежден в необходимости веры для солдат, так как видел в ней основу духовно-нравственного воспитания воина. «Безверное войско учить – что перегорелое железо точить», – любил повторять русский полководец.

Поэтому молитвенное обращение к Богу перед каждым сражением составляло неотъемлемую часть боевой жизни суворовских чудо-богатырей. Особенно торжественно служились молебны и обедни после удачных военных кампаний. Под руководством Суворова было построено множество церквей. Неприимимый к врагам Отечества Суворов отличался особым милосердием к поверженному противнику. В своем солдатском катехизисе он выражается вполне определенно: побежденным «давай пощаду, они такие же люди, грех напрасно убивать». А в приказе от 16 мая 1778 г. есть такие глубоко христианские строки: «с пленными поступать человеколюбиво, *стыдиться* (курсив мой. – В.Л.) варварства».

О глубине религиозного чувства Суворова говорит и тот факт, что, уйдя в отставку, он принимает решение удалиться в монастырь и даже пишет в декабре 1798 г. письмо императору с просьбой разрешить ему принять монашеский постриг в Ниловой Новгородской пустыни, где он собирался провести остаток своей жизни «в службе Богу». Однако вместо разрешения государя, Суворов получает царский рескрипт, приготовивший ему Итальянский поход. Отслужив молебен в сельской церкви, он направляется в армию.

В 1800 г., за несколько месяцев до смерти, Александр Васильевич пишет «Канон Спасителю и Господу нашему Иисусу Христу», текст которого исполнен глубоко покаянного чувства и явно навеян настроением Великого покаянного канона Андрея Критского, который читается в православных храмах во время Великого поста. Последние дни жизни великого полководца исполнены глубокого христианского смирения. Суворов, быть может, наиболее яркий, но далеко не единственный пример глубоко верующего полководца.

Конечно, личная религиозность российских генералов никогда не была ни главным, ни единственным принципом духовно-нравственного воспитания солдат. Основной груз всегда лежал на самой Церкви, на полковых священниках. В начале XX в. институт военного духовенства представлял собой развитую сеть с бо-

гательшими традициями. Необходимо подчеркнуть, что Церковь оказывала армии не только исключительно духовную, но и вполне ощутимую «физическую» поддержку: во время Первой мировой войны более 200 монастырей открыли у себя лазареты для раненых, подобным же образом поступали и отдельные приходы; только в Московской епархии уже в 1914 г. стали работать 157 таких госпиталей. Вместе с русскими солдатами через горнило войны прошло более 5 тысяч священнослужителей, более 30 погибло, а 14 были награждены офицерскими Георгиевскими крестами «за отличие в военных подвигах»¹⁸.

¹⁸ Лебедев О. За други своя. Духовенство в годы первой мировой войны // НГ-Религии. 26.06.97. С. 3.

Безусловно, наивно было бы пытаться нарисовать картину русской армии, проникнутой духом высокой христианской нравственности. Во-первых, сама христианизация русского народа, а значит, и русского солдата носила во многом обрядовый характер. Во-вторых, развоцерковление русского общества, начатое еще церковными реформами Петра I, не могло не принести своих плодов. Дух «христианского воинства» с течением времени все сильнее и сильнее уходил из русской армии – по мере того, как он уходил из русского общества в целом. Современные разговоры о предреволюционной России как идеале православного государства, а русской армии – как идеале православного воинства нередко не имеют под собой реальной основы. Вот лишь один факт, который может объяснить, как могло так случиться, что после Октябрьской революции вчерашние прихожане стали активно разрушать православные храмы и расстреливать духовенство: накануне Февральской революции посещение воскресных богослужений и принятие причастия солдатами русской армии было обязательным и составляло почти 100%. Однако Временное правительство отменило обязательность посещения храмов для солдат, и уже в 1917 г. эта цифра упала до 10% и ниже¹⁹. Менее 10% – такова доля сознательных христиан в русской армии накануне страшной трагедии отечественной истории – Октябрьской революции.

¹⁹ Поспеловский Д. Подвиг веры в атеистическом государстве // Русское зарубежье в год тысячелетия крещения Руси. М., 1991. С. 71.

Священная война

«В окопах атеистов не бывает», – с этими словами американского генерала – президента Эйзенхауэра согласны многие из воевавших. Может быть поэтому символы и образы военных лет, как правило, обращены к корням отечественной культуры, к глубинам национальной памяти. И.В.Сталин в своем первом после начала войны обращении к советскому народу использовал не формулу советского времени («Товарищи!»), а традиционную русскую, скорее даже церковную: «Братья и сестры!» Ставший уже хрестоматийным этот пример весьма и весьма показателен: бывший семинарист Иосиф Джугашвили прекрасно понимал, что даже десятилетия атеистической пропаганды не могли уничтожить векового уклада русской культуры, в центре которой всегда находилось православие.

В скобках заметим, что не кто иной, как Сталин, предложил Е. Вучетичу, автору знаменитого памятника советскому солдату-освободителю, заменить в скульптуре автомат на меч, разрубающий свастику. Видимо, и здесь «отец народов» тонко почувствовал необходимость связи времен: былинно-богатырский атрибут – меч был куда более символичен, чем пистолет-пулемет системы Шпагина! Кстати сказать, эта характеристика военных образов Великой Отечественной – связь с дореволюционным прошлым – отличительная черта военного символизма той поры. По одной из версий, даже первоначальный текст знаменитой «Священной войны» был написан еще весной 1916 г. преподавателем Рыбинской мужской гимназии А. А. Боду, который прислал свою работу В. Лебедеву-Кумачу в конце 1937 г. А в 1941 г., на второй день войны, Лебедев-Кумач немного переделал текст и опубликовал его под своим именем²⁰.

²⁰ См.: Сенявская Е. С. *Психология войны в XX веке. Исторический опыт России*. М., 1999. С. 227.

Можно предположить, что отказ от исключительно советского символизма и обращение к традиционно русским ценностям были далеко не случайны. Конечно, речь не шла о каком-то разрыве с уже сложившейся символической молодой советской республики. И все же и новые-старые символы, и открытие храмов, и восстановление патриаршества в 1943 г. – все это далеко не случайные явления, а свидетельство пусть почти забытой, но все-таки не до конца уничтоженной традиции русской армии – и шире – русской государственности: служба вере и Отечеству.

Действительно, война воскресила многие традиции, которые, казалось бы, уже умерли. Однако далеко не всем послевоенным ожиданиям суждено было сбыться. Энтузиазм первых послевоенных лет постепенно сходил на нет, сдавливаемый железной машиной тоталитаризма, катком прошедшего по надеждам и судьбам. Восстановление былых традиций русской армии так и осталось мечтой: советское руководство не пошло дальше возвращения к офицерским званиям и «царским» погонам.

Связь Церкви и армии по-прежнему была не просто невозможной, но и абсолютно невыносимой... И только распад Советского Союза, крушение советской системы, создававшей «на века», вновь поставили нас перед необходимостью поиска культурной идентичности. Насущность этой проблемы была осознана (а была ли?), когда, в связи с исчезновением призрака коммунизма, образовался идеологический вакуум и начался религиозный хаос.

**День
нынешний**

Сегодня отечественная армия, военачальники, вслед за руководителями государства часто обращаются к Церкви как к духовно-нравственному авторитету, происходит попытка возрождения былых традиций. В этой связи необходимо помнить по крайней мере о двух вещах. Во-первых, Церковь может и, наверное, долж-

на участвовать в нравственном воспитании солдат, однако российским офицерам не стоит видеть в священниках своего рода современных политруков, идеологических воспитателей, которых можно использовать для своих целей. Военное руководство, обращающееся к помощи Церкви, должно хорошо знать церковную позицию и подлинные цели священников, приходящих в армию. Армия, как и государство, и общество в целом, не может воспринимать Церковь как государственный институт, такую кузницу новой официальной идеологии. Конечно, пока сложно говорить о таком понимании²¹.

²¹ Вот лишь одно наблюдение, которое весьма красноречиво свидетельствует о том, что глубинного взаимопонимания пока нет: во многих телерепортажах об отпевании солдат федеральных войск, погибших в Чечне, из уст присутствовавших на богослужении командиров звучали слова о мести. Наверное, можно понять чувства командиров, потерявших своих солдат, однако нельзя забывать и того, что мечь – категория, находящаяся за рамками христианской этики.

Второе, о чем ни в коем случае не следует забывать ни священнослужителям, ни военачальникам, – сложилась принципиально отличная от дореволюционной система отношений в обществе. Сегодня в России нет ни православного государства (Российская Федерация, согласно Конституции, государство светское), ни государственной Церкви, ни православной армии. Конечно, это значит, что взаимоотношения между Церковью и армией возможны, однако они должны развиваться в принципиально ином правовом пространстве. Современная российская армия по своему составу не только многонациональна, но еще и многоконфессиональна, поэтому православные священники могут приходить лишь к тем солдатам, которые сами хотят их услышать. А армейскому начальству, в свою очередь, не следует ни чинить препятствий для таких визитов, ни сгонять солдат палкой «послушать батюшку». Естественно, приверженцы других религий должны иметь такие же права и возможность пообщаться со своим духовенством.

Попытки взаимодействия Церкви и армии предпринимаются давно: в 1994 и 1997 гг. Русская Православная Церковь (РПЦ) и Министерство обороны заключили соглашения о сотрудничестве, направленные на воспитание и укрепление морального духа в войсках. К одним из наиболее интересных последствий подобного развития событий относится учреждение в 1996 г. в Военной академии Ракетных войск стратегического назначения факультета православной культуры. Данный факультет является негосударственным учреждением дополнительного образования Минобороны РФ и РПЦ. Занятия на факультете – дело добровольное, и проводятся они во внеучебное время. Данная инициатива получила одобрение и развитие: весной 2000 г. факультет православной культуры был открыт в Военном университете ПВО Сухопутных войск (г. Смоленск).

Задача подобных факультетов – помощь армии в перестройке системы воспитания современного воина. Вот, что говорит по этому поводу заместитель декана факультета православной культуры Военной академии РВСН полковник К.Г.Сергеев: «Используемые сегодня методы и формы морально-психологической под-

готовки войск направлены, в основном, на расширение политической сознательности. При этом в сознание воина внедряется мысль, что необходимо пробудить в себе ненависть, жестокость и безжалостность к врагу. С духовной точки зрения такой психологический настрой ведет к деградации личности. Для православного воина всегда чрезвычайно важно знать, во имя какой цели он идет убивать. Во имя свободы Отчизны? Во имя сохранения народа, человеческой жизни? Или во имя неизвестных ему, а нередко и его командиру, политических целей? Сегодня солдаты и офицеры, к сожалению, не получают никакого представления о том, какая ответственность ложится на них, когда они переступают грань дозволенного. И хотя часто говорят – на войне как на войне, подразумевая под этим и жестокость, и насилие, и бесчинства, которые на войне бывают, солдат должен четко осознавать, что он имеет право употреблять оружие, жестокость и силу только против врага, но не против мирных жителей. Это, если хотите, своего рода кодекс чести, нарушив его, человек начинает мучиться разными кошмарами и часто, не выдерживая этого, начинает пить, употреблять наркотики, словом, опускается. Вам хорошо известен «афганский синдром», а теперь уже и «чеченский»²².

²² «Армии без веры не устоять». Интервью заместителя декана факультета православной культуры Военной академии ракетных войск стратегического назначения им.

Петра Великого полковника Сергеева К.Г. // Встреча. № 3(9), 1998. С. 14.

К сказанному хотелось бы добавить только одно: большая ответственность всегда лежит на старших офицерах, а еще чаще – политиках, которые отдают приказы. Солдаты же обязаны эти приказы выполнять. Поэтому, соглашаясь с призывом о необходимости духовного воспитания российских солдат, хотелось бы, чтобы о нравственных основах своей деятельности не забывали и политики; чтобы солдату не пришлось решать дилемму: что нарушить – приказ командира или нравственный закон.